

УДК 94 (571.15)
DOI: 10.17223/19988613/55/3

А.А. Калашников, П.А. Афанасьев

ЛЕСНАЯ СТРАЖА И ЛЕСНИЧИЕ ГЛАЗАМИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ АЛТАЙСКОГО ОКРУГА ПОСЛЕ СОБЫТИЙ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Анализируется положение лесной стражи и лесничих Алтайского округа в марте–декабре 1917 г. На основе ведомственного делопроизводства, актов, решений крестьянских комитетов, приговоров сельских сходов предпринимается попытка воссоздать собирательный образ лесной стражи и лесничих в глазах населения, а также выявить причины негативного отношения населения к служащим округа. В результате авторы приходят к выводу, что деформированный образ служащих округа способствовал эскалации конфликта между ними и населением.

Ключевые слова: Февральская революция; лесная стража; Алтайский округ.

Лесная стража обеспечивала порядок в лесничествах Алтайского округа, создавая условия для ведения лесного хозяйства Кабинета е.и.в. на территории своих объездов. После февраля 1917 г. авторитет чиновников в бывшем владении императора пошатнулся. Как правило, историки уделяют внимание способам отстранения от службы лесных чинов на Алтае, отмечая неспособность ведения лесного хозяйства и реализации лесоохранных мер назначенными на их место выборными от сельских обществ. Для того чтобы понять причины замены стражи, нападений на нее и потери авторитета института лесничих, мы попытаемся воссоздать собирательный образ объездчиков и лесничих, а также проследить тенденции, влиявшие на формирование негативного отношения к ним со стороны населения. Данная работа проведена на основе анализа рапортов, отношений и донесений служащих Алтайского округа, протоколов заседаний лесных советов, решений исполкомов, приговоров сельских сходов, поступавших в Алтайский губернский земельный комитет и Управление округа, а также донесений начальника округа в Кабинет.

По оценкам Н.Ф. Иванцовой, в марте–апреле 1917 г. выступления крестьян против администрации Алтайского округа составляли 36,8% от общего числа правонарушений в регионе [1. С. 62]. По утверждению историка, население рассматривало систему лесничества и лесной стражи как главное препятствие ликвидации кабинетского землевладения [Там же. С. 61]. С этим утверждением соглашались С.Е. Поляков и М.О. Тяпкин [2. С. 180]. По оценкам Г.П. Жидкова, в большинстве случаев причины отстранения лесной стражи и увольнения лесничих были не личными, а политическими. В представлениях крестьянской массы чины бывшей кабинетской администрации выглядели как анахронизм [3. С. 250]. Это иллюстрируют постановления отдельных сельских обществ, где лесная стража была заменена, так как она поддерживала «старый свергнутый строй» [4. Л. 10]. В докладе начальнику Алтайского округа от 2 апреля 1917 г. старший лесничий М.Н. Львов отмечал, что необходимость замены обуславливалась просьбами крестьян, мотивированными тем, что «должны быть новые

власти, а не старые», а также обвинением лесничих в потворстве объездчикам или якобы недоброжелательном отношении лесничего к населению [5. Л. 59 об.]. В приговоре сельского общества села Суслово от 16 апреля замена объездчиков обуславливалась их грубым отношением к населению [6. Л. 6 об.]. Недоброжелательность отношения и, как следствие, некомпетентность служащего определялись населением по-своему. Сельским сходом, проходившим 25 сентября в Ново-Озерском лесничестве, было решено не принимать на службу нового лесничего, потому как эту должность занимал некий Морев, отличавшийся хорошим поведением и усердным отношением к службе [7. Л. 126]. Однако старший лесничий К.П. Перетолчин после поездки в Ново-Озерское лесничество в рапорте Управлению округа отмечал крайне удручающее положение в нем хозяйства и считал необходимой замену лесничего «дабы бесхозяйственность не пустила более глубоких корней» [Там же. Л. 125 об.].

Необходимость согласованных действий с внезапно появившимися после Февральской революции новыми органами власти ставила служащих Алтайского округа в подчиненное положение. Крестьянские комитеты диктовали собственную политику в области земельно-лесного хозяйства. Весьма красноречиво это иллюстрирует решение сельского схода деревни Усть-Чумышской, проходившего 10 октября 1917 г. На нем было объявлено, что лес и земля принадлежат народу, а потому право ими распоряжаться имеют лишь комитеты [Там же. Л. 123]. В противовес обезоруженной, лишенной знаков и клейм страже представители комитетов выглядели куда более внушительно. Так, председатель павловского комитета «и днем и ночью разгуливал по селу при шашке через плечо и с двумя нашими казенными револьверами» (револьверы были изъяты у лесной стражи [Там же. Л. 78 об.]). Население предлагало клеймить не лес, а самих объездчиков, нанося им удары по шее [8. Л. 7 об.]. Только лояльность со стороны исполкомов (а их составы регулярно обновлялись) обеспечивала лесной страже право на существование. В заявлении о прекращении работы служащих Петровского лесничества сообщалось, что после убийства лояльно

настроенного к ним члена исполкома поддерживаемый ими относительный порядок был нарушен, а лесная стража «терроризирована, а потому и бессильна» [7. Л. 208]. Служащими Аламбайского лесничества была принята резолюция, согласно которой к нарушителям лесного устава предпринималось только «убеждение словом», так как составление протоколов вело к обострению отношений с населением [9. Л. 18 об.]. Население, видя беспомощность лесной стражи, переставало воспринимать ее как серьезную силу.

Смещение с должности лесных чинов и нападения на лесную стражу были обусловлены и личностным фактором. На совещании Согласительной комиссии, проходившем 9 марта 1917 г. в Барнауле, сообщалось об обостренных отношениях населения с отдельными объездчиками [5. Л. 28 об.]. В марте в Петровском лесничестве произошло нападение на лесничего с целью личной мести [Там же. Л. 50]. За год до описываемых событий в Барнаульском лесничестве был зафиксирован случай стрельбы пьяного объездчика в женщин и битья их кнутом за нарушение правил побочного пользования лесом [10. Л. 10–18]. Отдельные представители лесной стражи, отрицательно зарекомендовав себя в отношениях с населением, способствовали формированию негативной репутации низовых служащих округа, что сказывалось в дальнейшем.

Постепенно у населения сложился стереотип о халатном исполнении обязанностей лесной стражей. Обязанное платить за пользование лесом, население было убеждено, что чины округа тайно продавали лес на сторону для собственного заработка. Этим же население объясняло лесные пожары, свойственные весенним и летним месяцам: «Когда наступала весна, стража, чтобы скрыть следы преступления, поджигала участки, где были порубки» [5. Л. 90]. Случаи такой продажи действительно были. Учитывая малый заработок объездчиков, установленный в размере 25–35 руб. в месяц [2. С. 169], в условиях войны и инфляции это был один из способов не столько заработка, сколько поддержания текущего благосостояния. Старший лесничий В.П. Моношко в докладе о поездке в июне–июле 1916 г. по лесничествам округа сообщал, что часть стражи меняет службу на более прибыльную [11. Л. 36 об.–37]. К 1917 г. жалование было несколько увеличено, но цены росли быстрее. В петиции, отправленной в исполком Томского губернского народного собрания служащими Сузунского лесничества, было отмечено, что за время войны, несмотря на общее повышение цен на продукты первой необходимости в среднем на 400%, содержание лесной стражи было увеличено только на 50%, а администрации – на 25% [12. Л. 36 об.]. В.П. Моношко также отмечал, что обмундирование стражи «нередко не соответствует достоинству округа», но «дороговизна жизни и материи заставляет закрывать глаза на это обстоятельство» [11. Л. 45]. Павловский лесничий С. Чернов также коснулся вопроса внешнего вида стражи в письме в Алтайский губернский земельный комитет:

«Буду ждать и надеяться, что стража у меня опять примет должный вид, а то понимаешь – ходят без пояса и без знака, ну прямо шпана, а не объездчик. Да вот, вещь пустая и смешная, а в деле она имеет громадное значение – стройности нет» [7. Л. 79 об.]. Крестьяне, обязанные подчиняться людям, чье благосостояние было порой ниже их собственного, не воспринимали их всерьез или же считали равными себе. Поэтому неудивительно, что лесная стража объясняла обострение конфликта с населением своей малообеспеченностью жалованьем [Там же. Л. 46 об.]. Не избегали нападок населения и лесничие и их помощники, обладавшие большим достатком, но это было связано с убеждением людей в том, что служащие живут за их деньги, уплаченные за пользование земельно-лесными ресурсами округа.

Стоит также отметить непостоянство состава лесной стражи. В 1914 г. мобилизация оставила округ без квалифицированных кадров. На 1 января 1915 г. объездчиков, назначенных инспекцией, осталось 102 человека, а 1 175 были наняты лесничими [13. Л. 3]. В дальнейшем часть должностей вновь были занята бывшими служащими, однако костяк лесной стражи состоял из нанятых в годы войны. Такие объездчики не пользовались авторитетом, а в отчетах лесничих отмечалась «распущенность» и зависимость этой стражи от местного населения [11. Л. 16 об., 17, 21, 26, 31]. Текучесть кадров не позволяла установить виновных в нарушениях лесного устава среди них, что формировало у населения стереотипное восприятие объездчика как преступника. Изменчивость состава стражи создавала у населения образ непостоянства самого института власти, что после Февральской революции способствовало легкости в принятии решений о смещении стражи и ее замене на выборную.

Проводя в 1917 г. «чистку» среди низших чинов Алтайского округа, население было убеждено, что самостоятельное ведение лесами будет более успешным, чем ранее при контроле лесных чинов. Назначая на должности объездчиков людей, непригодных для службы, комитеты обосновывали это броскими фразами: «физической работы им нет», «протоколов больше не будет и писать нечего» [14. Л. 10 об.]. Объездчики в глазах крестьян были не только естественным препятствием для бесконтрольного пользования лесом, но и рассматривались как причина проблем в хозяйстве округа.

Со времени, прошедшего с первых замен лесной стражи в марте 1917 г., кризис отношений между населением и служащими Алтайского округа углублялся. На логичные вопросы, замечания и требования, касавшиеся земельно-лесного хозяйства, служащие получали в ответ грубую брань. В Коростелевском лесничестве человек, которого лишь попросили предъявить лесорубочный билет, обещал награду за убийство объездчика или помощника лесничего [Там же. Л. 46]. Примечательны фразы, которые говорил «потерпевший»: «Какие такие билеты»; «Ты по старому режиму»; «Какие такие «лесничие» и «помощники», убивать вас надо!

Ишь, какую шубу сшил на наши деньги» [14. Л. 46]. В Сузунском лесничестве объездчиков называли шпионами, опричниками, царскими прислужниками, сторонниками старого «прижима», «не считаясь с их гражданским и чисто человеческим чувством достоинства, требуя в то же время больше, чем просто вежливое отношения к себе» [12. Л. 36–36 об.]. Не случайно павловский лесничий С. Чернов в своем письме в Алтайский губземком писал: «Теперь каждый служит двум Богам: населению и Временному правительству» [7. Л. 78–78 об.]. На сходе в селе Токаровка солдатский делегат заявил: «Вся вообще администрация лесничества – сволочь и кровопийцы» [3. С. 247]. После подобных фраз не удивляют сведения с мест о том, что где-то был избит и ограблен объездчик только потому, что он – «объездчик» [5. Л. 113 об.–114].

Понимая всю тяжесть сложившейся ситуации, 7 декабря 1917 г. начальник Алтайского округа Л.Л. Маслов разослал лесничим конфиденциальный циркуляр, в котором говорилось о возможности для них и членов лесной стражи покинуть службу в случае вынесения советом лесничества решения о невозможности ведения хозяйства [9. Л. 4]. Результат не заставил себя долго ждать. Так, 22 декабря 1917 г. прекратили свою работу служащие Нижне-Петровского лесничества; 1 февраля 1918 г. коробейниковский лесничий Гуляев сообщал, что стража повсеместно отказывается от службы, а в заключение он сам просил освободить его от службы [7. Л. 204, Л. 194]. В отношении Алтайского губернского исполкома (земской управы) к Алтайскому губернскому исполкому совета крестьянских депутатов от

15 января 1918 г. сообщалось, что служащие Петровского лесничества также прекратили свою службу [Там же. Л. 208].

Таким образом, лесные чины Алтайского округа в период революционных потрясений 1917 г. оказались неспособны к несению службы по ряду причин, конкретизирующихся в отдельных лесничествах округа. Объездчики, лесничие и их помощники не воспринимались населением всерьез, они были лишены даже средств самозащиты. Объездчик воспринимался населением как символ старого режима, осколок самодержавия. Кроме того, регулярные перемены в составе служащих не создавали устойчивых отношений между населением и лесной стражей, а достойных кадров, формировавших положительное отношение к деятельности служащих, катастрофически не хватало. Эскалация конфликта населения и лесных служащих была связана и с политикой Управления округа, которое на донесения с мест, как правило, отвечало необходимостью установления «тесных сношений» с комитетами, обладавшими в революционных условиях реальной властью на местах. Все это создавало в глазах населения образ лесной стражи как жалких, неспособных к сопротивлению, не имевших реальной власти людей, которые должны были просто исчезнуть как напоминание о прошлом. Лесная стража, формально сохраняя должности, из-за регулярных замен населением и потери изначальных функций к концу 1917 г. фактически перестала существовать в своем первоначальном виде, чему в немалой степени способствовал деформированный в глазах населения образ служащего округа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иванцова Н.Ф. Сибирское крестьянство в 1917 – начале 1918 гг. М. : Прометей, 1990. 167 с.
2. Тяпкин М.О., Поляков С.Е. Лесоохрана в Алтайском округе в 1908–1919 гг. // Население, управление, экономика, культурная жизнь Сибири XVIII – начала XX вв. : сб. науч. статей / под ред. Ю.М. Гончарова, Т.Н. Соболевой. Барнаул, 2003. С. 166–193.
3. Жидков Г.П. Кабинетское землевладение (1747–1917 гг.). Новосибирск : Наука, 1973. 264 с.
4. Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 4. Оп. 1. Д. 4682.
5. ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 540.
6. ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4731.
7. ГААК. Ф. 229. Оп. 1. Д. 5.
8. ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4700.
9. ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4775.
10. ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4175.
11. ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4550.
12. ГААК. Ф. 229. Оп. 1. Д. 13.
13. ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4482.
14. ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4718.

Kalashnikov Andrey A. Altai State Pedagogical University (Barnaul, Russia). E-mail: astralnykeks@gmail.com

Afanasyev Pavel A. Altai State Pedagogical University (Barnaul, Russia). E-mail: pavel_afanasev@mail.ru

FOREST GUARD AND FORESTERS THROUGH THE EYES OF THE RURAL POPULATION OF THE ALTAI DISTRICT AFTER THE EVENTS OF THE FEBRUARY REVOLUTION

Keywords: February Revolution, forest guards, Altai district.

The article analyzes the situation of the forest guards and foresters of the Altai district after the events of the February Revolution. The purpose of the article is to reconstruct the perception of the forest guards and foresters by the peasant population. The sources for the article were the materials deposited in the State Archives of the Altai Region: the office documents of local authorities, decrees of peasant committees and village assemblies. One of the objectives of the article is to identify the reasons for the widespread negative attitude of the population towards the employees of the Altai district. On the basis of the studied materials the authors show that after the February Revolution the population considered the forest guard and the administration of the forestry as the main obstacles in the liquidation of the land ownership of His Majesty's Cabinet in the Altai. The reasons for the removal of the forest guards from the service were in most cases political, because district officials were associated by the peasant mass with the monarchy that had collapsed. In the opinion of the authors

an important role in the negative attitude towards the forest guard was also played by the personal dislike of the population towards its representatives. The second direction of the study was the concretization of circumstances due to which the forest guard was unable to perform service under the new conditions. The authors argue that the population did not already perceive seriously the foresters, their assistants and riders. The article presents the facts that testify to the widespread dependency of the lower forest ranks of the district on the local peasant population and new authorities. They independently changed the local officials of the district, deprived them of their means of self-defense, accused them of various malfeasances, obliged them to coordinate their actions. The authors suppose that the volatility of the forest guard and its regular replacements did not form a stable relationship between the forest guard and the population. In such conditions the service of forest ranks became dangerous for their life. Therefore, in December 1917, the foresters and the ranks of the forest guard were allowed to leave the service in cases of impossibility of further management of the economy, which caused their mass leaving the service in some forestry. As a result of the research the authors came to the conclusion that the considered reasons, factors and circumstances created in the eyes of the population the image of the forest guards as pathetic, incapable of resisting, having no real power authorities. The forest guard of the Altai district in the period of revolutionary upheaval proved incapable of performing the service, which was facilitated by the deformed image of the district employee in opinion of the population.

REFERENCES

1. Ivantsova, N.F. (1990). *Sibirskoe krest'yanstvo v 1917 – nachale 1918 gg.* [The Siberian peasantry in 1917 – early 1918]. Moscow: Prometey.
2. Tyapkin, M.O. & Polyakov, S.E. (2003) Lesookhrana v Altayskom okruge v 1908–1919 gg. [Forest protection in the Altai region in 1908–1919]. In: Goncharova, Yu.M. & Soboleva, T.N. (eds.) *Naselenie, upravlenie, ekonomika, kul'turnaya zhizn' Sibiri XVIII – nachala XX vv.: Sbornik nauchnykh statey* [Population, management, economics, cultural life of Siberia in the 18th – early 20th centuries]. Barnaul: [s.n.]. pp. 166–193.
3. Zhidkov, G.P. (1973) *Kabinetnoe zemlevladienie (1747–1917 gg.)* [Cabinet land ownership (1747–1917)]. Novosibirsk: Nauka.
4. The State Archive of the Altai Territory. Fund 4. List 1. File 4682.
5. The State Archive of the Altai Territory. Fund 4. List 1. File 540.
6. The State Archive of the Altai Territory. Fund 4. List 1. File 4731.
7. The State Archive of the Altai Territory. Fund 229. List 1. File 5.
8. The State Archive of the Altai Territory. Fund 4. List 1. File 4700.
9. The State Archive of the Altai Territory. Fund 4. List 1. File 4775.
10. The State Archive of the Altai Territory. Fund 4. List 1. File 4175.
11. The State Archive of the Altai Territory. Fund 4. List 1. File 4550.
12. The State Archive of the Altai Territory. Fund 229. List 1. File 13.
13. The State Archive of the Altai Territory. Fund 4. List 1. File 4482.
14. The State Archive of the Altai Territory. Fund 4. List 1. File 4718.